

Сборник статей по гражданскому и
торговому праву, посвященных памяти Г. Ф.
Шершеневича. М., 1915

Опубликована: Янв. 1, 1915

Учение Лейбница о праве наследования

Пергамент Михаил Яковлевич

Российский учёный-правовед, цивилист. Старший брат члена II Государственной думы от города Одессы О. Я. Пергамента.

Аннотация

Данное учение Лейбница - явление положительно *sui generis*. Место, занимаемое здесь гениальным, всеобъемлющим философом, совершенно обособленное. Будет справедливо сказать, что если не считать одной уже весьма поздней, более того, сравнительно недавней доктрины, то теория Лейбница, относящаяся к праву наследования, не только не нашла себе подражателей вовсе, но и не оказала решительно никакого влияния на науку и литературу предмета, а тем менее на законодательство. Теория Лейбница, повторяем, стоит вполне одиноко, вне связи с течением мысли и эволюцией в области философии наследственного права. Мы имеем в виду то воззрение Лейбница, которое выражено в его знаменитом рассуждении: «*Nova methodus discendae docendaeque iurisprudentiae*», бесспорно, крупнейшем из немногочисленных, впрочем, трудов нашего автора по праву и правоведению, особенно же частному

Ключевые слова: наследование, учение Лейбница

Данное учение Лейбница - явление положительно *sui generis*. Место, занимаемое здесь гениальным, всеобъемлющим философом, совершенно обособленное. Будет справедливо сказать, что если не считать одной уже весьма поздней, более того, сравнительно недавней доктрины, то теория Лейбница, относящаяся к праву наследования, не только не нашла себе подражателей вовсе, но и не оказала решительно никакого влияния на науку и литературу предмета, а тем менее на законодательство. Теория Лейбница, повторяем, стоит вполне одиноко, вне связи с течением мысли и эволюцией в области философии наследственного права.

Мы имеем в виду то воззрение Лейбница, которое выражено в его знаменитом рассуждении: «*Nova methodus discendae docendaeque iuris-prudentiae*» (Полнее: «*Nova Methodus Discendae Docendaeque Jurisprudentialiae, Ex Artis Didacticae Principiis in parte generali praepremissis, experientiaeque luce*». См. издание Dutens'a: *Gothofredi Guillelmi Leibnitii Opera Omnia in Sex Tomos distributa* (1768), т. IV, ч. 3, стр. 159-230. Здесь перепечатано известное издание данного труда Лейбница, выпущенное в свет его учеником, знаменитым Христианом Вольфом, и снабженное предисловием последнего (*Lipsiae et Halae, 1748*).), бесспорно, крупнейшем из немногочисленных, впрочем, трудов нашего автора по праву и правоведению, особенно же частному (Наиболее обстоятельно трактует о «*Nova methodus...*» небезызвестный германский цивилист, рано умерший *Gustav Hartmann*, в своей прекрасной работе, озаглавленной «*Leibniz als Jurist und Rechtsphilosoph*» (в «*Festgabe*» Тюбингенского юридического факультета в честь Иеринга в 1892 г., а также отдельно). В русской литературе о том же труде Лейбница дают сведения: ПИ. Новгородцев. *Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба*, стр. 32 и ел.; ИМ. Коркунов, *История философии права* (изд. 4), стр. 162 и Г.Ф. Шершеневич в своей «*Истории философии права*» (изд. 2), стр. 377 и ел.).

««*Nova methodus*», - замечает Куно Фишер, - это последнее по времени произведение Лейбница за его университетские годы, единственное притом за этот период, которое не предназначалось служить той или иной академической цели». Действительно, цель и повод здесь были другого рода. Данная работа должна была явиться для ее автора переходной*ступенью от жизни университетской к жизни уже практической. И надо сказать, что эту свою цель работа, действительно, хорошо

выполнила. Она, несомненно, облегчила автору получение искомой им должности и, следовательно, в известной степени предопределила всю будущую карьеру молодого ученого (Kuno Fischer, *Gottfried Wilhelm Leibniz*, 3 изд. (в «Geschichte der neuern Philosophie», нов. изд., т. II), стр. 52 (русский перевод Полилова, 1905, стр. 54).).

Эти факты упоминаются нами потому, что они далеко не безразличны для самого содержания труда Лейбница и его оценки. Дело в том, что в тесной связи с сейчас изложенными обстоятельствами и соображениями Лейбниц счел нужным проявить особенную поспешность и свое сочинение написал в несколько всего дней, написал в дороге, не имея под рукою даже необходимых литературных пособий.

А такая поспешность наряду с необыкновенной молодостью автора («*Nova methodus*» относится к 1667-1668 гг., когда Лейбницу, только что пред тем удостоившемуся докторской степени в Альтдорфе, было от рождения немногим больше двадцати одного года) отразились на работе крайне чувствительно и повлияли на нее отнюдь не в благотворном смысле («*Est ille (libellus) scriptus ab adolescente et quidem in itinere, sine ullo apparatu librorum*», - так отзывается о своем сочинении сам Лейбниц. См. его переписку с Бирлингом (письмо от 19 апреля 1712 г.). В другом письме к тому же корреспонденту (от 16 марта того же года) заключаются еще другие любопытные сообщения автора о том же труде. Он пишет: «*Aliquoties admonitus sum, ut incudi redderem, et sane sunt in eo libello cogitationes quaedam, quas ne nunc quidem sperno. Multa tamen, fateor, dicta sunt ieunius: nam festinatissimus labor in diversorio Francofurtano effundebatur, ut esset, quod Electori Moguntino dedicaretur, ad quem aditus mihi factus erat. Et tamen (sane) fecit opusculum nontantum, ut innotescerem magis, sed et ut probarer insigni Principi, et in Consiliarium Revisionum asciscerer. Nunc si recudi deberet, multa essent corrigenda et supplenda...*». Оба письма приведены как у Dutens'a, *Opera* V, стр. 381 и 378 и ел., так и у Gerhardt'a, *Die philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz*, т. VII (1890), стр. 504 и ел. и 503 и ел. Ср. еще письмо Лейбница к герцогу Ганноверскому от 21 мая 1671 г.: «*...einem vor etlichen Jahren von mir zwar ausm Stegreif und auf der Reise aufgesetzten Tractatlein, so ich Methodum novam docendae discendaeque jurisprudentiae genennet...*». См. *Leibnitz's Deutsche Schriften*, издал Guhrauer, I (1838), стр. 269. См. также

Hartmann'a, Указ. соч., стр. 17, а равно Landsberg'a, *Geschichte der Deutschen Rechtswissenschaft* III, 1 (Text), стр. 24.).

Правда, в своей основной части и в руководящем своем замысле сочинение остается все же выдающимся и замечательным. Объявленный молодым гением поход против заветной методы изучения и преподавания права, - методы схоластической, не только Аристотелевской, но и значительно позднейшей, связанной с именем известного Pierre de la Ramee (он же Petrus Ramus), - этот поход во имя естественности, систематичности и научности юриспруденции был, бесспорно, и правилен, и необыкновенно важен и, конечно, дал прекрасные результаты. Точно так же и правильным и спасительным оказалось выступление Лейбница в этой же работе и против еще другого крупного зла: против системы изучения права в так называемом легальном порядке источников римского права. Этот порядок, или говоря конкретнее, порядок размещения юридического материала в юстиниановых законодательных сборниках вызывает резкую критику и осуждение нашего философа-юриста. «*Methodi iustini-aneae vitia*», - заявляет он, - требуют обновления полного и решительного, ибо, с одной стороны, «*docendae iurisprudentiae methodus*» обнимает «*et methodum disponendae*», а с другой стороны, очевидно, что «*methodum legum hodierno aevo plane non esse accomodatam*» (См. «*Methodus nova...*», в особенности часть вторую: это pars «*specialis, ad solam Juris-prudentiam restricta*», в то время как pars 1 - «*generalis, caeterisque Facultatibus communis*». Возражения «*Petro Ramo Ramistisque*», см. в § 7 второй части (Dutens Opera IV указ. место стр. 182). О дефектах порядка Юстинианова законодательства Лейбниц трактует там же § 8 и ел., особенно § 10, где, между прочим, говорится: «*Primum in ipsa methodo Justinianeae labor crescit in duplum, dum alia est Institutionum, alia Digestorum Codicisque methodus*», а в частности, по адресу Дигест и кодекса мы читаем: «*In Digestis certe et Codice perpetua ordinis causa est veteris iuris ratio, quae tantum ad hodiernam, quantum sus ad Minervam*». Ср. еще Hartmann'a, Указ. соч., стр. 18 и ел. О влиянии намеченных идей Лейбница по преобразованию изучения и преподавания права см. Новгородцева. Историч. школа юристов, стр. 33 и ел.) (Признание Лейбницем дефектности сборника Юстиниана в направлении с и с т е - м ы , разумеется, ничего не предвещает в смысле общего отрицательного отношения философа-юриста к самому римскому праву. Напротив того: хорошо известны восторженные отзывы

именно Лейбница о том же римском праве, - точнее, о творениях римских юристов. Вот его подлинные слова, взятые из одного письма к Кестнеру (epistola XV от 1716 г., Dutens Opera IV указ. место стр. 267 и ел.): «I. Cum id agas ab annis compluribus, ut iurisprudentia emendetur, ornaturque, et nunc per omnes Digestorum Justiniani libros usum, et ut appellas valorem, divini illius operis ostendas; meum certe applausum habes dudum, publicum baud dubie habebis opere toto absoluto. Ego semper admiratus sum, scripta veterum Jureconsultorum Romanorum, quaecumque nobis sive in Digestis illis, sive alibi, velut ex naufragio Tabulae pretiosae supersunt. II. Romani in omni genere doctrinae Graecis cedunt. Ab iis Philosophiam, Medicinam, studia Mathematica mutuo sumserunt, de suo vix quicquam magni momenti adiecerunt: in una Jurisprudentia regnant; huius etsi semina a Graecis acceperint, inde tamen hortum excitarunt amplissimum pulcherrimumque, eaque in re una, omnes populos, quod constet, vicerunt.).

Все это, разумеется, высоко интересно и, настаиваем, принесло огромную пользу.

К искреннему, однако, сожалению, нельзя никак утверждать того же самого о других частях или, скромнее, о других местах сочинения молодого Лейбница? - местах, имеющих прямое отношение к наследственному как раз праву.

И если впоследствии, в преклонном уже возрасте, наш философ возвращается мысленно к своему юношескому произведению, высказываясь о нем или, точнее, о некоторых заключающихся в нем взглядах и положениях не без сочувствия и даже удовольствия, то можно смело утверждать: это не те взгляды и не те положения, которые относятся к праву наследования. И обратно: когда всепреданный великому философу Христиан Вольф в своем известном предисловии к данному труду Лейбница делает то ценное признание, что его учитель в зрелые годы успел во многом изменить свое мнение и от многого, что было некогда высказано, успел отказаться достаточно решительно, то это признание, без сомнения, относится - и притом переее всего - не к иному чему как к Лейбницеvu учению о том же праве наследования (См. это предисловие: «... probetur Leibnitium maturiori aetate in nonnullis mutasse sententiam suam, et a vulgaribus opinionibus, quas iuvenis amplexus fuerat, discessisse...». И дальше: «...L e i b n i t i u m aetate maturiori minime probasse rationem, quam reddit... cur et quatenus testamenta sint iuris naturalis, quippe quae magis

ingeniosa, quam solida est» (Dutens Opera IV, указ. место, стр. 161).).

Но пора перейти к содержанию этого учения, к непосредственному ознакомлению с ним.

Дважды на пространстве своего методологического произведения Лейбниц рассуждает о наследовании: в связи с субъектом права, раз, и со способами приобретения права, два (Упоминается о наследовании, завещании, легате, фидеикомиссе и т.п. еще и в других местах, но здесь именно только упоминание, не представляющее никакого интереса (см., напр., pars II, § 5, 8: Dutens Opera IV, указ. место, стр. 181, 182).).

Что касается субъекта права, то таковым согласно пониманию автора может служить не только лицо, которое в свою очередь бывает или естественное (Бог, ангел, человек) или «гражданское» (persona civilis), т.е. юридическое (Лейбниц прибавляет (pars II § 16, Dutens Opera IV, указ. место, стр. 185): «Persona civilis est C o 1 1 e g i u m , quod quia habet unam voluntatem certo signo dignosci-bilem v. g. ex pluralitate votorum, sorte, etc. ideo obligare et obligari potest»), но и вещь. «Res quoque subiectum iuris est et obligationis», - учит Лейбниц. Естественно спросить: но когда же это бывает так? и поскольку? Смысл того ответа, который нам здесь дается, следующий: вещь оказывается правовым субъектом, всякий раз как с нею связаны право или обязанность, однако непременно связаны до того тесным образом, что вместе с данной вещью совершается и переход означенных права или обязанности. Такой смысл ответа с очевидностью вытекает из приводимых философом примеров. Если, поясняет он, что-либо будет отказано должностному лицу как таковому, то данное право вместе с должностью перейдет и ко всем его преемникам. Наоборот: если должностное лицо, опять как таковое, причинит кому-либо ущерб, то отвечает самая должность, и следовательно, обязательство вознаградить за причиненные вред и убытки снова перейдет к преемникам по должности. Или еще: если что-либо будет отказано лошади (например, металлическое украшение), то не может быть спора, что вместе с отчуждением лошади к ее приобретателю перейдет и названное украшение. Затем вещь - субъект обязательства также во всяком вещном праве. И наконец, сюда же относится и все учение о наследовании - на том основании, что наследование не более как передвижение права или обязательства от одного субъекта к другому (Там же: «...v. g. officio aliquid legetur, ius erit

apud omnes successores; si quis in officio existens, qua talis est alicui damnum det, ipsum officium tenebitur, transibitque in successores obligatio. Ita si equo aliquid legetur v. g. phalerae, dubitandum non est, ad dominum equi, alienato equo, rem transire: idem de servo iuris est, qui ipse non pro persona habendus, sed re. In omni vero iure reali res est subiectum obligationis. Porro ad subiectum pertinet tota Successionum materia. Quia successio est motus iuris vel obligationis de subiecto in subiectum». (Параграф заканчивается словами: «Tractandum et hie de iis, quae pluribus communi sunt»). Ср. Hartmann'a Указ. соч., стр. 26.).

Надо ли доказывать, прежде чем продолжать изложение, насколько все это слабо, несостоятельно и произвольно, как здесь сброшен воедино материал безусловно разнородный и пестрый?!

Если одно время еще можно было вести речь о том, что при вещном сервитуте субъектом права является так назыв. praedium dominans, то по адресу случаев, поименованных у нашего автора, аналогичного вопроса нельзя, кажется, и ставить. Ибо относительно этих случаев совершенно немыслимо вызвать даже самое отдаленное представление не только о юридическом лице, но и о той, по верному выражению Дернбурга, карикатуре на юридическое лицо, какая допущена уже в указанной конструкции предиаляного сервитута (См. Dernburg, Pandekten, 7-е изд., I, стр. 238 и ел. («Aber das ware ein Zerrbild einer juristischen Person...»). Что, впрочем, в данном случае вовсе не то отношение, которое представляет себе Лейбниц, видно уже из того факта, что он здесь же говорит о «субъекте обязательства». И еще только следующее. Как явствует из помещенного рядом, в § 17, учения об «объекте», Лейбниц признает, что во всяком вещном праве вещь является «объектом права». Итак, в вещном праве вещь - это одновременно и объект права, и субъект обязательства!).

Но я мучительно желаю отыскать какое-нибудь, пусть даже необыкновенно слабое, объяснение мысли Лейбница... И вот я припоминаю одно своеобразное явление и положение из области римского наследственного права. Мне приходит на ум тот раб в Древнем Риме, которого господин его назначал по завещанию своим наследником. Подобный раб, как известно, вступал в права наследования абсолютно независимо от своего на то желания или нежелания. В случае же несостоятельности наследственного имущества он продавался в своем качестве наследника на предмет удовлетворения кредиторов, причем вместе с ним -

здесь центр тяжести - оказывалась, весьма естественно, проданною и самая наследственная масса, неотделимая от него *hereditas damnosa*. Древнеримский раб в любопытной и поучительной роли своего рода бумаги на предъявителя! (Gai, II, § 185 и ел.; *Ulpiani Regul.* XXII, 7, 12; с. 5 гр., § 1, 2 *C. de necessar. et serv.* 6, 27; гр., § 1 *I. de hered. instit.* 2, 14. Ср. Girard, Manuel, изд. 5, стр. 822.)

Но как бы то ни было, одно не может подлежать никакому сомнению: причислять наследование к области субъектов права только потому, что при наследовании наблюдается преемство прав и обязанностей от субъекта к субъекту, - до крайности неосновательно.

Выше уже было замечено, что в дальнейшей части своего рассуждения Лейбниц снова обращается к праву наследования. На этот раз он останавливается на нем несколько ближе и глубже. Что это происходит в связи с учением о способах приобретения права, точно так же упоминалось.

По воззрению Лейбница, способов приобретения права («*modi ac-quirendi iuris*») несколько. Это: 1. «*natura*», 2. «*successio*», 3. «*possession*» 4. «*conventio*» и 5. «*iniuria*».

Все эти способы более или менее независимы друг от друга, и во всяком случае независимым от всех остальных является названное на втором месте наследование. Мы поэтому сосредоточимся сейчас на наследовании прямо и непосредственно. Но предварительно считаем полезным отметить одно обстоятельство, не лишнее важности.

Данное обстоятельство заключается в том, что, по Лейбницу, наследование - это, стало быть, способ приобретения права. Подчеркнем: права вообще, а не права только собственности. Здесь пред нами иное, очевидно, воззрение, иное понимание, чем-то, с которым мы обычно встречаемся у Гуго Гроция и Пуфендорфа и, далее, у Томазия, а равным образом у почтенного ряда еще других представителей школы естественного права. Что это иное отношение к вопросу вместе с тем означает и крупный успех, притом успех, который продиктован, надо думать, по преимуществу юридическим или, точнее, романистическим образованием нашего автора, - не требует, кажется, пояснений (См. хотя бы Б.Н. Чичерина, *Собственность и государство*, I, стр. 208, а также мою лекцию «Пределы наследования в гражданском праве» (1906), стр. 10 и ел., и брошюру покойного профессора Цюрихского университета Н.Ф.

Hitzig'a, Die Grenzendes Erbrechts (1908), стр. 7 и ел. (русский перевод, 1910, стр. 4 и ел.). Из курсов на русском языке по истории философии права мысли Гуго Гроция и Пуфендорфа онаследовании реферированы вкратце у Г.Ф. Шершеневича (Указ. соч., стр. 296 иел., 359 и ел.). Отрадное внимание данного автора к вопросам не только «права»(в общем) и «государства», но и права, напр., гражданского, находит себе, очевидно, объяснение в том достаточно исключительном обстоятельстве, что авторомкурса по истории философии права тут явился не публицист, а цивилист).

Свои замечания о наследовании Лейбниц открывает тем, что поучает (отчасти в повторение предыдущего): наследование (всякое!), «не создавая нового права, лишь переносит право старое». Уже затем идет обсуждение в отдельности, сперва законного, а после него завещательного наследования (Привожу все место целиком в подлиннике: «S u c c e s s i o § 16, quae poproductit novum ius, sed vetus transfert. Succedunt autem ab intestato mero hire soli descendentes in stirpes, sed ita in ea tantum bona, quae parentis erant, cum nascerentur, quia anima eorum per traducem ex anima parentis orta est: caeter-orum successio ab intestato pertinet ad fontem pactorum, quia ex lege descendit. Testamenta vero mero iure nullius essent momenti, nisi anima esset immortalis. Sed quia mortui revera adhuc vivunt, ideo manent domini rerum, quos vero haeredes reliquerunt, concipiendi sunt ut procuratores in rem suam» (§ 20, а не 19, как ошибочно цитируют очень многие, в том числе даже Вольф в своей «praefatio», - Dutens Opera IV, указ. место, стр. 187; в отдельном издании Вольфа - стр. 42 и ел.).).

В составе первого - наследования по закону - Лейбниц различает нисходящих - с одной, и всех остальных претендентов на наследство, с другой стороны. Однако только нисходящие, на взгляд философа, наследуют согласно праву естественном у .

Ближайшим образом это наследование нисходящих - детей, внуков, правнуков и т.д. - Лейбниц затем характеризует и определяет при помощи двух указаний. Из них одно неспособно привлечь интерес читателя: нисходящие, мол, наследуют «по коленам». Зато другое указание не может не вызвать удивления и даже протеста.

Дети - так утверждает Лейбниц - получают в порядке законного наследования лишь то имущество, которое их родителям принадлежало в момент их, детей, рождения. Не смерти, следовательно, родителей, а рождения детей.

Философ спешит присовокупить и свое обоснование данного тезиса. Но это обоснование таково, что оно только усиливает, а никак не ослабляет недоумение читателя.

Разгадка, на взгляд Лейбница, тут заключается не в ином чем как в том положении, что душа детей происходит, путем рождения, от души родителей (Употребленный Лейбницем термин «per traducem» встречается в том же метафорическом смысле (tradux - собственно виноградный отводок) у христианских богословов и философов. У Forcellini - De-Vit (Totius Latinitatis Lexicon VI, стр. 136) читаем s. h. v.: «A n a s t a s p a r . e p . 6 . n . 7 . Ab illis (parentibus) nihil aliud potest tradi, quam quod ab ipsorum mala praesumptione commissum est: id est culpa poenaeque peccati, quam per traducem secuta progenies evidenter ostendit, ut pravi homines distortique nascantur.. itaque per traducem, quod a parentibus traditur, evidenter apparet, etc. Laurent. Novariens. Homil. I. Peccatum mundi quid est? Delictum Adam per traducem seminis ad filios devolutum. R u f i n . vertens O r i g , I. Iлeпi apxтov praef. 5. de anima vero utrum ex seminis traduce duca-tur, ita ut etc.».). Нужно ли добавлять что-либо к сейчас сказанному? Мы имеем пред собой попытку подвести юридическое основание под законное наследование при помощи представления, или вернее говоря, при помощи догмы о реальном происхождении одной души от другой на почве деторождения. Полагаем, подобную попытку остается лишь констатировать и - пройти мимо.

Что касается прочих наследников ab intestate, то их позиция, по мысли Лейбница, далеко не та. Как уже отмечено, они почерпают свои правомочия не из самой природы, не из естественного начала, а из права положительного. Соответственно обоснования их положения должно искать в законе, в договоре.

Укажем для полноты освещения, что договор, о котором здесь упоминает Лейбниц, - это источник, который с точки зрения его доктрины и вообще чрезвычайно распространен, и играет роль очень видную и значительную.

На договоре - таково учение Лейбница - построено все публичное право: «die Policeyordnungen», затем право уголовное, или другими словами, право государства на наказание - все равно, будет ли то наказание телесное или денежное, - далее, процесс, одинаково уголовный и гражданский. Во всех этих областях право проистекает из договора, заключенного между подданным и государством, из обещания, данного первым последнему, что он, подданный, будет выполнять постановления

государства - как общие, т.е. законы, так и те, которые имеют в виду отдельный конкретный случай, т.е. решения. «Ex ipso igitur pacto promissae fidelitatis» возникают обязанности, а следовательно, возникает и само право («Nova methodus» pars II, § 18 i. f. и 19 (Dutens, там же, стр. 186)).

Нетрудно видеть, что тот договор, из которого философ-юрист выводит и законное также право наследования, за исключением одного лишь наследования нисходящих, - не иное что, как соглашение личности с государством, как знаменитый или, лучше, пресловутый первобытный договор естественно-правовой школы.

Итак, еще раз: только наследование нисходящих может притязать на более глубокое основание, только оно действительно находит себе настоящую опору и оправдание. Ни наследование боковых, ни даже наследование восходящих не может похвалиться тем же: это установление положительного права, дело рук человеческих, продукт компромисса и подчинения.

Взгляд в достаточной мере радикальный и во всяком случае малоблагоприятный для законного наследования в его целом!

Совершенно иначе, однако, Лейбниц относится к праву наследования другого типа - типа завещательного.

Правда, учит он, и завещание, если держаться начал чистого, естественно права, должно бы считаться не имеющим никакого значения. Но тут привходит одно обстоятельство, которое изменяет дело самым решительным образом, ибо наделяет завещание именно естественно-правовой природою. Это обстоятельство, тот факт, который здесь имеется в виду Лейбницем, заключается, по его уверению, не в чем ином как - в бессмертии человеческой души.

Завещанию - так рассуждает философ - нельзя отказать в силе потому, что мертвые на самом деле продолжают жить и, следовательно, пребывают по-прежнему собственниками оставленного ими после смерти имущества. Что же касается лиц, которые завещателем назначены в качестве наследников, то на них необходимо смотреть иначе: они не собственники наследственной массы, а не более как поверенные «в собственном интересе» (Так мною переводится термин автора «*procuratores in rem suam*»; этот термин романисты - и русские, и иностранные - нередко предпочитают оставить без перевода вовсе.) (амая фигура *procurator'a in rem suam*, конечно, достаточно знакома из римского праваи связи с цессией и ее

историей в Древнем Риме. Не может подлежать сомнению, чтороманистически образованный Лейбниц (о тщательнейших его занятиях римским правом см., напр., Hartmann'a, Указ. соч., стр. 30 и ел.) - в работе, к тому же в немалойсвоей части трактующей о римском именно праве, - употребил выражение «*procuratorin rem suam*» вполне сознательно и намеренно, желая им означить не просто поверенного или уполномоченного, а лицо с большим объемом прав, и притом лицо сдвойственным непременно характером (каковая двойственность для римского *procurator'a in rem suam* - черта как раз отличительная и важная): с одной стороны,раз покойный наследодатель еще продолжает быть собственником наследственноймассы, то наследник действительно не более как представитель, а с другой стороны,кто станет утверждать, что наследник, который по общему правилу волен распорядиться наследственным имуществом как ему угодно, может быть признан и названтолько представителем?! Неправилен поэтому перевод обсуждаемого места у Чичерина (Указ. соч., I, стр. 290): «...наследники же... должны рассматриваться, как их поверенные в заведовании имуществом». Тут слова: «*in rem suam*» не поняты, а вместе стем не понят и не передан содержащийся в них весьма существенный и глубокий оттенок. (Случилось же это по простой, думается, причине: Б. Чичерин - публицист, а русские публицисты - не могу не сказать этого при всем искреннем к ним уважении - вбольшинстве своем, к сожалению, мало знакомы с частным, особенно с римским частным правом, даже в его элементах.) Впрочем, в той же дефектности перевода повинени Лассаль («*System der erworbenen Rechte*», 2-е изд., II, стр. 502), хвалившийся, как известно, своим знанием римского права, однако без достаточного основания. Наоборот,вполне верно переводит Гартман: «...*die Erben wie Stellvertreter zu eigenemN u t z e n eintreten*» (Указ. соч., стр. 28). Но в остальном Гартман в противоположность Чичерину не уловил истинного смысла слов Лейбница, и притом в основномпункте. Не уделивши внимания тому, что было раньше сказано философом относительно законного наследования, Гартман не уяснил себе, по-видимому, что вопросидет главнейшим образом о споре, из естественного ли закона происходит институтзавещания или нет, из закона положительного (а вовсе не о том, существует ли или несуществует «*die rechtliche Moglichkeit der Testamente*»). Ср. и здесь опять Лассаля:«*Testamente aber waren mit vollem Recht durchaus null und nichtig*» (в указ. месте.) (Один из новейших

писателей по вопросам римского наследственного права, австрийский юрист Woess (см. его «Das romische Erbrecht und die Erbanwarter», 1911, стр. 10), подчеркивает, что у Цицерона - как раз наоборот тому, что учит Лейбниц, - не завещание выводится из бессмертия души, а, напротив того, бессмертие выводится из завещания. Говоря точнее, Цицерон ссылается на завещание как на один из доводов в пользу бессмертия души. Вот это место из *Tusculan. disputat. (lib. I cap. XIV)*, не развстречающееся в литературе предмета (на него, между прочим, особенно силится опереться Лассаль (там же, стр. 20 и ел.), его же толкует Эдуард Ганс в своем знаменитом труде «*Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung. Band II: Das romische Erbrecht...*», стр. 148 и ел.): «*Maximum vero argumentum est naturam ipsam de immortalitate animorum tacitam iudicare, quod omnibus curae sunt, et maxumae quidem, quae post mortem futura sint... Quid procreatio liberorum, quid propagatio nominis, quid adoptiones filiorum, quid testamentorum diligentia, quid ipsa sepulcrorum monumenta, elogia significant nisi nos future etiam cogitare... Nemo umquam sine magna spe immortalitatis se pro patria offerret ad mortem...*»). Очевидно, и данное воззрение Лейбница не может равным образом почитаться ни правильным, ни удачным. И неудивительно, что на пространстве двух с половиною веков, отделяющих нас от времени появления методологической работы юного мыслителя, не нашлось почти вовсе писателей, которые бы согласились разделить его воззрение на природу завещания.

Начиная Пуфендорфом, Барбейраком, Томазием и другими именами той эпохи и кончая нашими днями - назову только Унгера, Гарт-мана, у нас Б.Н. Чичерина, - отношение к доктрине Лейбница, за редчайшими только исключениями, неизменно и резко отрицательное (*Pufendorf, De Jure Naturae et Gentium, lib. IV cap. X § IV i. f.* и к нему примечание Барбейрака (*Barbeyrac*) (примеч. 4 в Базельском издании 1771 г.); *Thomasi, Diss, de Origine Successionis Testamentariae § XIX*: «*Quod vero nonnulli testamenti faciendi ius ex doctrina de immortalitate animi deducere amaverint, pium quidem est et subtile, sed quod tamen magis somniantibus, quam vigilantibus, quales nos sumus, commendari meretur*». Все они еще только догадываются, что автор сочинения «*Nova methodus*» - «*Gottfridus Guilielmus Leibnitius, patriae suae et universae Germaniae decus immortale*» (*Pufendorf 1. e.*), так как первое издание нашей книги появилось анонимно или почти анонимно (значились лишь начальные буквы имени и фамилии автора). Из писателей того же времени ср. еще, напр.,

весьма видного G u n d l i n g ' a (Nic. Hieron), который в диссертации «De principe haerede ex testamento civium» (1721) недоумевает по поводу взгляда Лейбница: «...quid turn velit animula, quando non amplius cum corpore est coniuncta...». К тому же, добавляет автор, «pec constet, utrum anima sit dam-nata, an secus... Quis enim damnatae animae voluntatem censeat exsequendam? Quis hanc de rebus post se relictis, inter varios tumultus ac perturbationes, cogitare certo statuatur? Quod si vero in beatis locis versetur, aliis forte ac sanctoribus rebus occupatur, quam quae ad hanc referuntur vitam...». Против Лейбница высказались в числе прочих и Г е й н е к - ц и й («Opusculorum variorum sylloge...» (1735), Exercitatio XXVI («De testamentifactione»), § 3; затем, неаполитанский профессор Antonius Genuensis в своей книге «De Jure et Officiis...» (2 ed. 1776), cap. XIV, § 9, и др.).

Даже Фердинанд Лассаль и тот подвергает критике, а затем отвергает рассматриваемую теорию. Говорю «даже Лассаль» по той легко понятной причине, что всех ближе к Лейбницу подошел именно он в своем фантастическом (в конечном итоге, преследующем чисто социально-политические цели) учении о бессмертии индивидуальной воли как основании и объяснении римского наследственного права с его главнейшей частью - наследованием по завещанию. И вот оказывается, что при всем том, несмотря на расточаемые им Лейбницу похвалы как раз за теорию о завещании, Лассаль все-таки приходит к тому выводу, что эта теория «терпит полное крушение» и «по всем направлениям» и что она «одинаково несостоятельна в смысле как юридическом, так и философском» (Ferdinand Lassalle, Das System der erworbenen Rechte. Zweiter Theil: Das Wesen des Romischen und Germanischen Erbrechts in historisch-philosophischer Entwick-lung. Изд. 2, стр. 501-504.).

Это признание Лассалья, без сомнения, весьма интересно. Но еще интереснее, пожалуй, те соображения и доказательства, которыми он подкрепляет свое отрицательное суждение.

В противоположность римскому бессмертию, рассуждает Лассаль, бессмертие христианское отрешено от земной жизни и всего земного. Поэтому с христианской точки зрения, с точки зрения бессмертия души, покойный не может оставаться собственником. Подобное продолжение собственности было, конечно, возможно на почве римского понимания. Ибо римским пониманием и бесконечность и бессмертие усматривались в в о л е , а следовательно, эту волю, волю наследодателя, римляне

действительно могли наделять и фактически наделяли истинным бессмертием, предоставляя ей жить в субъективной воле другого лица, еще находящегося в живых. Но совсем иное дело - христианская точка зрения, для которой бессмертие мыслимо исключительно «в трансцендентном небе абсолютной духовности». Для нее принципиально не может быть речи о каком бы то ни было продолжении существования духа внутри другого субъекта, а следовательно, и не может быть вовсе речи о духе как собственнике.

Заметим по поводу этой антитезы, что она, впрочем, неверна. Однако неверна лишь потому, что неверно утверждение Лассалья в той его части, которая относится к римскому будто бы представлению. В остальном, в той другой части своего утверждения, которая касается христианского понимания вопроса и единственно нас здесь интересует, Лассаль, наоборот, несомненно, прав. Закрывающаяся здесь критика учения Лейбница, при всей своей простоте и краткости, совершенно убедительна.

К своему философскому возражению Лассаль присоединяет, однако, еще возражение юридическое. В известном по крайней мере объеме и это возражение представляется не только остроумным, но и верным. Сущность его сводится к тому, что Лейбницем упразднена собственность. Из разбираемой теории, говорит Лассаль, неизбежно вытекает, что единственный собственник - это Адам, т.е. первый человек или, лучше, первый по времени завещатель. Все прочие люди ставятся Лейбницем, и притом на вечные времена, в положение только управителей и поверенных. Таким образом, в результате выходит, что завещательное наследование действительно спасено, - но как? какою ценою? Ценою собственности.

Наконец, заключает Лассаль, нельзя не отметить, что взятая в целом доктрина Лейбница страдает еще другим коренным недостатком: ее части находятся между собой во внутреннем и неустранимом противоречии. Это следует вот из чего. Если «на самом деле мертвые продолжают жить и, стало быть, остаются собственниками», - а ведь именно таков тезис Лейбница, таковы его подлинные слова, - тогда необходимо прийти к тому же точно заключению (Лас-Сиуи добавляет: еще даже в большей мере) и относительно наследства *in testamento*, т.е. имущества, оставляемого после смерти помимо завещания. Но если так, то нельзя не видеть, что в итоге сам Лейбниц разрушает то

основание или, правильнее, те основания, которые он же установил раньше.

Нам кажется, что и данный довод тоже вполне резонный. Лассаль прав, несмотря даже на то обстоятельство, что у Лейбница наследование по закону с наследованием по завещанию не связано решительно ничем. Первое у Лейбница отнюдь не является производным от второго: наоборот, оба друг от друга совершенно независимы, оба, так сказать, «первоначальны». (Мимоходом обращаем внимание и на эту сторону дела, ставя ее вместе с тем Лейбницу в бесспорную и немаловажную заслугу: здесь снова крупное расхождение нашего философа с Гуго Гроцием и со всею вообще школою естественного права, которая по вопросу о взаимоотношении оснований наследования исповедовала, как известно, воззрение едва ли не диаметрально противоположное.)

Но и при полной самостоятельности двух родов наследования данное критическое замечание Лассалья все же, настаиваем, справедливо. Разумеется, верно, что если бы принять учение Лейбница, то и в области наследования по закону, не исключая даже наследование нисходящих, всякий наследник очутился бы неизбежно в положении подчиненном (в сравнительно скромной роли только *procurator'a in rem suam*), а никак не в роли собственника, лица полномочного, равного по своим правам наследодателю.

Лейбниц и в этом не успел отдать себе надлежащей отчет. Таким образом, остается признать, что наш философ-юрист, помимо всего прочего, не свободен и от упрека в непоследовательности и прискорбном противоречии с самим собою.

Сноски

1. Полнее: «Nova Methodus Discendae Docendaeque Jurisprudentiae, Ex Artis Didacticae Principiis in parte generali praeparaemissis, experientiaeque luce». См. издание Dutens'a: Gothofredi Guillelmi Leibnitii Opera Omnia in Sex Tomos distributa (1768), т. IV, ч. 3, стр. 159-230. Здесь перепечатано известное издание данного труда Лейбница, выпущенное в свет его учеником, знаменитым Христианом Вольфом, и снабженное предисловием последнего (Lipsiae et Halae, 1748).

2. Наиболее обстоятельно трактует о «Nova methodus...» небезызвестный германский цивилист, рано умерший Gustav Hartmann, в своей прекрасной работе, озаглавленной «Leibniz als Jurist und Rechtsphilosoph» (в «Festgabe» Тюбингенского юридического факультета в честь Иеринга в 1892 г., а также отдельно). В русской литературе о том же труде Лейбница дают сведения: ПИ. Новгородцев. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба, стр. 32 и ел.; ИМ. Коркунов, История философии права (изд. 4), стр. 162 и Г.Ф. Шершеневич в своей «Истории философии права» (изд. 2), стр. 377 и ел.

3. Kuno Fischer, Gottfried Wilhelm Leibniz, 3 изд. (в «Geschichte der neuern Philosophie», нов. изд., т. II), стр. 52 (русский перевод Полилова, 1905, стр. 54).

4. «Est ille (libellus) scriptus ab adolescente et quidem in itinere, sine ullo apparatu librorum», - так отзываясь о своем сочинении сам Лейбниц. См. его переписку с Бирлингом (письмо от 19 апреля 1712 г.). В другом письме к тому же корреспонденту (от 16 марта того же года) заключаются еще другие любопытные сообщения автора о том же труде. Он пишет: «Aliquoties admonitus sum, ut incudi redderem, et sane sunt in eo libello cogitationes quaedam, quas ne nunc quidem sperno. Multa tamen, fateor, dicta sunt ieiunius: nam festinatissimus labor in diversorio Francofurtano effundebatur, ut esset, quod Electori Moguntino dedicaretur, ad quem aditus mihi factus erat. Et tamen (sane) fecit opusculum non tantum, ut innotescerem magis, sed et ut probarer insigni Principi, et in Consiliarium Revisionsum asciscerer. Nunc si recudi deberet, multa essent corrigenda et supplenda...».

Оба письма приведены как у Dutens'a, Opera V, стр. 381 и 378 и ел., так и у Gerhardt'a, Die philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz, т. VII (1890), стр. 504 и ел. и 503 и ел.

Ср. еще письмо Лейбница к герцогу Ганноверскому от 21 мая 1671 г.: «...einem vor etlichen Jahren von mir zwar ausm Stegreif und auf der Reise aufgesetzten Tractatlein, so ich

Methodum novam docendae discendaeque jurisprudentiae genennet...». См. Leibnitz's Deutsche Schriften, издал Guhrauer, I (1838), стр. 269. <p>См. также Hartmann'a, Указ. соч., стр. 17, а равно Landsberg'a, Geschichte der Deutschen Rechtswissenschaft III, 1 (Text), стр. 24.

5. См. «Methodus nova...», в особенности часть вторую: это pars «specialis, ad solam Juris-prudentiam restricta», в то время как pars 1 - «generalis, caeterisque Facultatibus communis». Возражения «Petro Ramo Ramistisque», см. в § 7 второй части (Dutens Opera IV указ. место стр. 182). О дефектах порядка Юстинианова законодательства Лейбниц трактует там же § 8 и ел., особенно § 10, где, между прочим, говорится: «Primum in ipsa methodo Justiniana labor crescit in duplum, dum alia est Institutionum, alia Digestorum Codicisque methodus», а в частности, по адресу Дигест и кодекса мы читаем: «I n Digestis certe et Codice perpetua ordinis causa est veteris iuris ratio, quae tantum ad hodiernam, quantum sus ad Minervam». Ср. еще Hartmann'a, Указ. соч., стр. 18 и ел. О влиянии намеченных идей Лейбница по преобразованию изучения и преподавания права см. Новгородцева. Историч. школа юристов, стр. 33 и ел.

6. Признание Лейбницем дефектности сборника Юстиниана в направлении с и с т е - м ы , разумеется, ничего не предрешает в смысле общего отрицательного отношения философа-юриста к самому римскому праву. Напротив того: хорошо известны восторженные отзывы именно Лейбница о том же римском праве, - точнее, о творениях римских юристов. Вот его подлинные слова, взятые из одного письма к Кестнеру (epistola XV от 1716 г., Dutens Opera IV указ. место стр. 267 и ел.): «I. Cum id agas ab annis compluribus, ut iurisprudentia emendetur, orneturque, et nunc per omnes Digestorum Justiniani libros usum, et ut appellas valorem, divini illius operis osten-das; meum certe applausum habes dudum, publicum baud dubie habebis opere toto absoluto. Ego semper admiratus sum, scripta veterum Jureconsultorum Romanorum, quaecunque nobis sive in Digestis illis, sive alibi, velut ex naufragio Tabulae pretiosae supersunt. II. Romani in omni genere doctrinae Graecis cedunt. Ab iis Philosophiam, Medicinam, studia Mathematica mutuo sumserunt, de suo vix quicquam magni momenti adiecerunt: in una Jurisprudentia regnant; huius etsi semina a Graecis acceperint, inde tamen hortum excitarunt amplissimum pulcherrimumque, eaque in re una, omnes populos, quod constet, vicerunt.

7. См. это предисловие: «... probetur Leibnitium maturiori aetate in nonnullis mutasse sententiam suam, et a vulgaribus opinionibus, quas iuvenis amplexus fuerat, discessisse...». И дальше: «...L e i b n i t i u m aetate maturiori minime probasse rationem, quam red-dit... cur et quatenus testamenta sint iuris naturalis, quippe quae magis ingeniosa, quam solida est» (Dutens Opera IV, указ. место, стр. 161).

8. Упоминается о наследовании, завещании, легате, фидеикомиссе и т.п. еще и в других местах, но здесь именно только упоминание, не представляющее никакого интереса (см., напр., pars II, § 5, 8: Dutens Opera IV, указ. место, стр. 181, 182).

9. Лейбниц прибавляет (pars II § 16, Dutens Opera IV, указ. место, стр. 185): «Persona civilis est C o l l e g i u m , quod quia habet unam voluntatem certo signo dignoscibilem v. g. ex pluralitate votorum, sorte, etc. ideo obligare et obligari potest».

10. Там же: «...v. g. officio aliquid legetur, ius erit apud omnes successores; si quis in officioexistens, qua talis est alicui damnum det, ipsum officium tenebitur, transibitque in successores obligatio. Ita si equo aliquid legetur v. g. phalerae, dubitandum non est, ad dominumequi, alienato equo, rem transire: idem de servo iuris est, qui ipse non pro persona habendus, sed re. In omni vero iure reali res est subiectum obligationis. Porro ad subiectum pertinet totaSuccessionum materia. Quia successio est motus iuris vel obligationis de subiecto in subiectum». (Параграф заканчивается словами: «Tractandum et hie de iis, quae pluribus c o m m u n i a sunt»). Ср. Hartmann'a Указ. соч., стр. 26.

11. См. Dernburg, Pandekten, 7-е изд., I, стр. 238 и ел. («Aber das ware ein Zerrbild einer juristischen Person...»). Что, впрочем, в данном случае вовсе не то отношение, котороепредставляет себе Лейбниц, видно уже из того факта, что он здесь же говорит о «субъ екте обязательства». И еще только следующее. Как явствуется из помещенного рядом, в § 17, учения об «о б ъ е к т е », Лейбниц признает, что во всяком вещном праве вещь является «объектом права». Итак, в вещном праве вещь - это одновременно и объект права, и субъект обязательства!

12. Gai, II, § 185 и ел.; Ulpiani Regul. XXII, 7, 12; с. 5 рг., § 1, 2 C. de necessar. et serv. 6, 27; рг., § 1 I. de hered. instit. 2, 14. Ср. Girard, Manuel, изд. 5, стр. 822.

13. См. хотя бы Б.Н. Чичерина, Собственность и государство, I, стр. 208, а также моюлекцию «Пределы наследования в гражданском праве» (1906), стр. 10 и ел., и брошюру покойного профессора Цюрихского университета Н.Ф. Hitzig'a, Die

Grenzendes Erbrechts (1908), стр. 7 и ел. (русский перевод, 1910, стр. 4 и ел.). Из курсов на русском языке по истории философии права мысли Гуго Гроция и Пуфендорфа онаследовании реферированы вкратце у Г.Ф. Шершеневича (Указ. соч., стр. 296 иел., 359 и ел.). Отрадное внимание данного автора к вопросам не только «права»(в общем) и «государства», но и права, напр., гражданского, находит себе, очевидно, объяснение в том достаточно исключительном обстоятельстве, что авторомкурса по истории философии права тут явился не публицист, а цивилист

14. Привожу все место целиком в подлиннике: </p> <p>«S u c c e s s i o § 16, quae поп producit novum ius, sed vetus transfert. Succedunt autem ab intestato mero hire soli descendentes in stirpes, sed ita in ea tantum bona, quae parentis erant, cum nascerentur, quia anima eorum per traducem ex anima parentis orta est: caeterorum successio ab intestato pertinet ad fontem pactorum, quia ex lege descendit. Testamenta vero mero iure nullius essent momenti, nisi anima esset immortalis. Sed quia mortui revera adhuc vivunt, ideo manent domini rerum, quos vero haeredes reliquerunt, concipiendi sunt ut procuratores in rem suam» (§ 20, а не 19, как ошибочно цитируют очень многие, в том числе даже Вольф в своей «praefatio», - Dutens Opera IV, указ. место, стр. 187; в отдельном издании Вольфа - стр. 42 и ел.).

15. Употребленный Лейбницем термин «per traducem» встречается в том же метафорическом смысле (tradux - собственно виноградный отводок) у христианских богословов и философов. У Forcellini - De-Vit (Totius Latinitatis Lexicon VI, стр. 136) читаем s. h. v.: «A n a s t a s p a p . e p . 6. n. 7. Ab illis (parentibus) nihil aliud potest tradi, quam quod ab ipsorum mala praesumptione commissum est: id est culpa poenaeque peccati, quam per traducem secuta progenies evidenter ostendit, ut pravi homines distortique nascantur... itaque per traducem, quod a parentibus traditur, evidenter apparet, etc. Laurent. Novariens. Homil. I. Peccatum mundi quid est? Delictum Adam per traducem seminis ad filios devolutum. R u f i n . vertens O r i g , I. Iлeпi apxтov praef. 5. de anima vero utrum ex seminis traduce duca-tur, ita ut etc.».

16. «Nova methodus» pars II, § 18 i. f. и 19 (Dutens, там же, стр. 186).

17. Так мною переводится термин автора «procuratores in rem suam»; этот термин романисты - и русские, и иностранные - нередко предпочитают оставить без перевода вовсе.(амая фигура procurator'a in rem suam, конечно, достаточно знакома из

римского права в связи с цессией и ее историей в Древнем Риме. Не может подлежать сомнению, что романистически образованный Лейбниц (о тщательнейших его занятиях римским правом см., напр., Hartmann'a, Указ. соч., стр. 30 и ел.) - в работе, к тому же в немалой своей части трактующей о римском именно праве, - употребил выражение «*procurator in rem suam*» вполне сознательно и намеренно, желая им означить не просто поверенного или уполномоченного, а лицо с большим объемом прав, и притом лицо с двойственным непременно характером (каковая двойственность для римского *procurator in rem suam* - черта как раз отличительная и важная): с одной стороны, раз покойный наследодатель еще продолжает быть собственником наследственной массы, то наследник действительно не более как представитель, а с другой стороны, кто станет утверждать, что наследник, который по общему правилу волен распорядиться наследственным имуществом как ему угодно, может быть признан и назван только представителем?! Неправильно поэтому перевод обсуждаемого места у Чичерина (Указ. соч., I, стр. 290): «...наследники же... должны рассматриваться, как их поверенные в заведовании имуществом». Тут слова: «*in rem suam*» не поняты, а вместе с тем не понят и не передан содержащийся в них весьма существенный и глубокий оттенок. (Случилось же это по простой, думается, причине: Б. Чичерин - публицист, а русские публицисты - не могут не сказать этого при всем искреннем к ним уважении - в большинстве своем, к сожалению, мало знакомы с частным, особенно с римским частным правом, даже в его элементах.) Впрочем, в той же дефектности перевода повинны Лассаль («*System der erworbenen Rechte*», 2-е изд., II, стр. 502), хвалившийся, как известно, своим знанием римского права, однако без достаточного основания. Наоборот, вполне верно переводит Гартман: «...*die Erben wie Stellvertreter zu eigenem Nutzen eintreten*» (Указ. соч., стр. 28). Но в остальном Гартман в противоположность Чичерину не уловил истинного смысла слов Лейбница, и притом в основном пункте. Не уделив внимания тому, что было раньше сказано философом относительно законного наследования, Гартман не уяснил себе, по-видимому, что вопрос идет главным образом о споре, из естественного ли закона происходит институт завещания или нет, из закона положительного (а вовсе не о том, существует ли или не существует «*die rechtliche Möglichkeit der Testamente*»). Ср. и здесь опять Лассаля: «*Testamente aber waren mit vollem Recht durchaus null und nichtig*» (в указ. месте).

18. Один из новейших писателей по вопросам римского наследственного права, австрийский юрист Woess (см. его «Das romische Erbrecht und die Erbanwarter», 1911, стр. 10), подчеркивает, что у Цицерона - как раз обратное тому, что учит Лейбниц, - не завещание выводится из бессмертия души, а, напротив того, бессмертие выводится из завещания. Говоря точнее, Цицерон ссылается на завещание как на один из доводов в пользу бессмертия души. Вот это место из *Tusculan. disput. (lib. I cap. XIV)*, не развстречающееся в литературе предмета (на него, между прочим, особенно силится опереться Лассаль (там же, стр. 20 и ел.), его же толкует Эдуард Ганс в своем знаменитом труде «*Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung. Band II: Das romische Erbrecht...*», стр. 148 и ел.): «*Maximum vero argumentum est naturam ipsam de immortalitate animorum tacitam iudicare, quod omnibus curae sunt, et maxumae quidem, quae post mortem futura sint... Quid procreatio liberorum, quid propagatio nominis, quid adoptiones filiorum, quid testamentorum diligentia, quid ipsa sepulcrorum monumenta, elogia significant nisi nos future etiam cogitare... Nemo umquam sine magna spe immortalitatis se pro patria offerret ad mortem...*».

19. Pufendorf, *De Jure Naturae et Gentium, lib. IV cap. X § IV i. f.* и к нему примечание Барбейрака (Barbeyrac) (примеч. 4 в Базельском издании 1771 г.); Thomasi, *Diss. de Origine Successionis Testamentariae § XIX*: «*Quod vero nonnulli testamenti faciendi ius ex doctrina de immortalitate animi deducere amaverint, pium quidem est et subtile, sed quod tamen magis somniantibus, quam vigilantibus, quales nos sumus, commendari meretur*». Все они еще только догадываются, что автор сочинения «*Nova methodus*» - «*Gottfridus Guilielmus Leibnitius, patriae suae et universae Germaniae decus immortale*» (Pufendorf 1. e.), так как первое издание нашей книги появилось анонимно или почти анонимно (значились лишь начальные буквы имени и фамилии автора). Из писателей того же времени ср. еще, напр., весьма видного Gundlinga (Nic. Hieron), который в диссертации «*De principe haerede ex testamento civium*» (1721) недоумеваает по поводу взгляда Лейбница: «*...quid turn velit animula, quando non amplius cum corpore est coniuncta...*». К тому же, добавляет автор, «*pec constet, utrum anima sit dam-nata, an secus... Quis enim damnatae animae voluntatem censeat exsequendam? Quis hanc de rebus post se relictis, inter varios tumultus ac perturbationes, cogitare certo statuat? Quod si vero in beatis locis versetur, aliis forte ac sanctoribus rebus occupatur, quam quae ad hanc referuntur*

vitam...». Против Лейбница высказались в числе прочих и Гейнек-ц и й («Opusculorum variorum sylloge...» (1735), Exercitatio XXVI («De testamentifac-tione»), § 3; затем, неаполитанский профессор Antonius Genuensis в своей книге «De Jure et Officiis...» (2 ed. 1776), cap. XIV, § 9, и др.

20. Ferdinand Lassalle, Das System der erworbenen Rechte. Zweiter Theil: Das Wesen des Romischen und Germanischen Erbrechts in historisch-philosophischer Entwicklung. Изд. 2, стр. 501-504.